Андрей РАСТОРГУЕВ

ДОРОГА, ИСТОНЧАЮЩАЯ СЕРДЦЕ,
приводит национального поэта к духовному спокойствию

Мирошниченко Н.А. Трудная книга. Избранное и новые стихи. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2002.

Мирошниченко Н.А. Белая сотня. 100 новых стихотворений. – Сыктывкар, 2006.

В маленьком городе

Провинция любит потом.
Сначала глядит и не видит.
Ей кажется: в люди не выйдет
из провинциалов никто…
Провинция любит потом,
когда на щите золотом…

Эти строки уже третий десяток лет отзываются ответной горечью во многих уроженцах провинции, которые, подобно их автору, Надежде Мирошниченко, страстно желают, чтобы их ум и талант не пропали втуне. А скольких эта горечь подвигла на переезд в Москву или на худой конец Питер, где вроде бы только и куются те самые золотые щиты, свидетельствующие о всеобщем признании! А сколькие тихо вернулись, не удостоившись почетного ритуала…

Многие годы Надежда тоже завоевывала столицу. Результат? Две книги, вышедшие в Москве, когда это ещё было возможно. Несколько подборок в «Нашем современнике», которые дали ей право с гордостью именовать себя постоянным автором этого журнала. Дружба со Станиславом Куняевым, Валентином Распутиным и многими другими поэтами и прозаиками, которые вдали от разного рода лонг- и шорт-премиальных листов по-прежнему продолжают многовековую традицию русской классической литературы. Наконец, постоянные

поездки в писательский Дом творчества в подмосковном Переделкино, имя которого так часто встречается под её стихами:

…Здесь сосны ценой в поднебесье.
И каждый прохожий знаком.
Здесь, если в Москву – то за песней.
А вот из Москвы – за стихом…

Из Москвы – это домой, в Сыктывкар. Не на щите, но – на крыльях, взмахи которых слышит каждый из её собратьев по перу, когда она, полная переделкинских впечатлений и чувств, буквально врывается в кабинет республиканского Союза писателей.

По нынешним временам – победа. Жизнь, в том числе поэтическая, литературная, вроде бы удалась. А ей все мало…

Этот город не стал для меня колыбелью.
Он, как девка, следил за моими грехами.
А умру… Да заплачет же он, в самом деле,
И начнет похваляться моими стихами…
Мол, жила здесь такая, была превосходной
И талантливой, в общем, считай, совершенной.
И не вспомнит, какой я была неугодной
И какой одинокой да иноплеменной.
Но, избавившись от моего вдохновенья
И от Веры, что предки, как знамя, носили,
Он на память запомнит все стихотворенья
О любви моей вечной к бессмертной России.

Это датированное августом 2001 года стихотворение – как, впрочем, и все, что процитированы выше – вошло в «Трудную книгу» Надежды, которая увидела свет в 2002 году в серии Коми книжного издательства «Звёзды Севера». Та же вроде бы горечь всё еще не полностью оценённого таланта, да с новыми нотами. Прожив более чем полвека в родном и, судя по стихам, всё-таки любимом Сыктывкаре «с полночью белой, с Вычегдою на руках», поэт чувствует себя в нём не просто несоразмерным («*Мне, такой большой, так трудно в маленьком// городе, где улица одна…*»), чужим не только по духу, но и по роду-племени. И,

оставаясь жителем Севера, как о Родине в полную силу поэтического чувства пишет об изначальной, Центральной России…

Поэт Руси

Безусловно, все мы – россияне. Но какими бы политкорректными ни были сегодня наши паспорта, лишенные графы «национальность», любой из нас, определяясь в окружающем мире, рано или поздно сталкивается с необходимостью понять, какой именно народ из многих, населяющих нашу страну, он продолжает собою. Для художника, литератора это – вопрос еще и профессиональной состоятельности. Ведь каждый народ по-своему перелагает общую книгу земного бытия. И какими бы общечеловеческими ни были произведения настоящего искусства, каждое из них несёт в себе связь с той или иной национальной традицией.

Впитать эту связь, самому стать звеном вековой цепочки, продолжить её и передать потомкам трудно сегодня любому. Урбанизация, упадок сельского хозяйства, убивая деревню, не спрашивают, фольклор какого народа она передавала из поколения в поколение. Отупляющая эстрадная попса делает чужими для слуха любые народные мотивы.

Всё это в полной мере относится и к Сыктывкару в частности и Республике Коми вообще. Если даже коми интеллигенция, несмотря на какую-никакую, а систему государственной поддержки, в полный голос говорит о грядущем вымирании родного языка, то русскому приобщиться к своей культуре – настоящей, а не выхолощенной посредством системы школьного образования – здесь и вовсе сложно. Русских в республике, безусловно, много, но районом их исконного расселения, покуда сохраняющим свою самобытность, остаётся лишь Печора, весьма далёкая от Сыктывкара.

Отсюда и великая – не только и не столько политическая, а культурная – дерзость задачи, которая проступает за этой книгой Надежды Мирошниченко: стать ни много, ни мало по-настоящему русским национальным поэтом – поэтом всея Руси. Не в есенинской Рязани, не в рубцовской Вологде – в Сыктывкаре, первоначальное название которого – Усть-Сысольск – за давностью лет звучит как анахронизм, хотя по происхождению столь же естественно для русской речи, как имя Великого Устюга (Усть-Юг).

Кстати, об Устюге:

Сто церквей по берегу, как будто
Табуны промчались налегке.
Я пройду по берегу под утро:
Купола купаются в реке.
Сколько их вокруг, золотогривых,
Чуть коснулась – пальцы обожгла.
Если кто-то выдумал разливы,
Это, чтоб купались купола.
Вместе с обязательной берёзой,
Вместе с восхитительной тоской,
Вместе и с моей простоволосой
Родиной, притихшей над рекой…

Говоря о России, слишком легко сбиться на прямолинейную риторику. Тем более что отнюдь не чуждая трибуны и сцены Надежда периодически отдает творческую дань и откровенной публицистике. Однако, подобно этим строкам о не столь уж далёком от Сыктывкара, громком в истории, но тихом ныне северном русском городе Вологодской губернии, который каким-то чудом сохранил свою самобытность и красоту, в «Трудную книгу» вошли стихи настоящие, где голос автора звучит чаще всего негромко, как всякое искреннее чувство. А те же купола и берёзы, и другие «обязательные» символы, сохраняя всю свою традиционность, в стихотворной ткани обретают особую, чисто «мирошниченковскую» стать.

Но Русь Надежды – не только её города и природа. В контексте книги, да и всего творчества поэта свою неотъемлемую лепту в общий образ Родины вносят и стихи, которые подчас принято именовать интимной лирикой – о любви, о рождающих самые разные чувства отношениях Мужчины и Женщины, о жизни, её грядущем завершении и продолжении...

Открытость Надежды в этих чувствах и посвящениях, сохранённых над многими из этих стихов, свидетельствует: притом, что по своему характеру автор подобна ветру, ветреной ее отнюдь не назовешь – подавляющее их большинство посвящается мужу, родителям и детям. Черта вроде бы частная, а и за нею – созвучие с народом, мудро ощущающим семью главной жизненной и духовной опорой для себя и для каждого человека.

…А он один всегда был с нею рядом.
И не искал неповторимых слов,
А говорил: «Одна ты мне награда».
И говорил: «Одна ты мне любовь»…
Банально всё, что с ними приключилось.
Но я порою думаю тайком:
Кому из нас такое же не снилось?
И кто из нас не плакал о таком?!

Эскиз времени

Та же самая сохраняемая в народной глубине черта – верность семье и тому слову, что ты однажды дал, вступая в супружество – присуща и двум главным героям поэмы «Русь», о работе над которой давно говорила Надежда и которая, наконец, увидела свет в «Трудной книге». «Я Вас люблю, к чему лукавить… Но я другому отдана…» – это, явно считает автор, по-прежнему свойственно русской душе.

Пушкинская цитата здесь более чем уместна, и дело отнюдь не в том, что Александр и Наташа так же, как Евгений Онегин и Татьяна Ларина, не могут соединить свои судьбы. И сами имена, и то, что первая встреча героев совершается не где-нибудь, а в Михайловском, и датировка – 1989-2002 гг., и зачин поэмы, и некоторые иные переклички с автором «Евгения Онегина» наводят на мысль, что подобно ему Надежда задумала представить читателю нечто вроде энциклопедии русской жизни на рубеже XX-XXI веков.

…Пора писать про Родину Великую
и петь о Малой Родине пора,
где дёгтем отдает и повиликою
лебяжья суть гусиного пера.
И прохожу я теми же опушками,
Где классик просто радовался жить,
Где хорошо мне с Александром Пушкиным
одним и тем же небом дорожить.
Веди меня, веди, дорога длинная.
Я потихоньку в главном разберусь.
Льняная, полотняная, былинная,
Никем не уничтоженная Русь…

Чувствующему и памятливому человеку во Святых Горах и вправду раздолье. Однако автор, хотя ему в пушкинских местах и кажется подчас, что «вновь из нынешнего к старому решил вернуться русский человек», отнюдь не впадает в ностальгический искус и не рыдает об утраченной посконности. Картина праздника поэзии, традиционно проводимого здесь, свободна от манерных придыханий: *«Бургундского не подавали,// в буфетах «пепси» наливали.// И водку пил обычный люд.// Что могут люди, то и пьют…»*

Да и профессия героя – офицер-десантник, хотя и удобна для предполагаемого последующего описания главных современных российских бед, на сегодняшней, мягко говоря, небогатой Псковщине является вполне обычной. И в то же время – наследственной для векового пограничья. Именно традиционные черты интересны в Александре и автору:

…Он, мой герой, мне люб, и мил, и дорог,
Тем, что он верен долгу своему,
Тем, что живёт на свете без подпорок
И знает, что почем и почему.
Да, он мужчина, сын, творец и воин…

Однако, в отличие от пушкинского романа, сюжетная линия поэмы была лишь намечена, а составляющие её лирические заметки автора на полях собственной судьбы и жизни страны лишь изредка и ненадолго позволяли героям выйти на первый план. Подобно стихам, составившим предшествующие разделы «Трудной книги», эти заметки, безусловно, работали на совокупный образ времени и Родины, но единой эпической ткани всё-таки не создавали. То ли эпик в авторе не победил лирика, то ли общая картина всего, что было наворочено в России, тогда ещё не выстроилась. То ли просто Русь по-прежнему осталась необъятной – ни глазом, ни даже словом.

Собственно, автор так и предупреждал читателя: «Русь» – пока что лишь эскиз поэмы. Предупреждение столь же дерзкое, сколь дерзко вообще притязание стихотворца с нестоличной пропиской на высокое место в национальной поэзии. Однако может ли настоящий поэт поступать иначе?

«Мне бы молнии в руки…»

О Руси – и многие строки ещё одной книги Надежды, «Белая сотня», которая вышла в 2006 году.

Я столько лет об этом говорю.
Я столько лет любовью всех морочу.
Я столько раз на край родной смотрю
Во все глаза и думаю: не очень…

Но только русской, видимо, душе
Дано вместить безудержность простора
Но только мы, в предсмертии уже,
И то оставим миг для разговора.

Мы объясним, другому не понять,
Как льнёт душа к льняной Отчизне нашей.
Как невозможно сердцем не объять
Родную Русь, которой нету краше.

Уже эти строки, на мой взгляд, обращают на себя внимание несколько иной, нежели в её прежних книгах, интонацией. И тем сглаживают слегка запальчивое заглавие книжки, подзаголовок которой – «100 новых стихотворений», конечно же, возвращает слову «сотня» его сугубо цифирное значение, однако полностью от подчеркнутого чёрно-белой обложкой противопоставления известному историко-политическому термину не спасает. Да и наличие аналога – иркутянин Ростислав Филиппов, включивший в свой прошлогодний сборник то же количество стихотворений, нарёк его «Красная сотня» – заставляет предположить, что название выбрано отнюдь не единственно верное. Тем более что и многие другие стихи «Белой сотни» подтверждают: не угасая, былая страсть всё-таки подвигается, похоже, уступая долю своего места чуткой мудрости.

Лирическая героиня Мирошниченко и сама чувствует это движение в себе. Когда-то она взахлёб спорила с усталой, текущей сквозь века речкой, что упрекнула её в малом знании жизни – ты, мол, тоже не Волга, чего гордиться-то? Теперь: «…*Истончила и меня дорога.// Как же речку я не поняла?*». Войдя в общенациональный круг поэтов и писателей, подчеркивающих свое следование традициям именно

русской литературы, она уже не сожалеет о равнодушии родного города, а уверенно созерцает его сентябрьское преображение:

Город мой, сегодня золотой,
Ты со мною рядышком постой.
Ничего, что постоишь не с той…
Ничего сегодня не боюсь.
Синим светом досыта напьюсь,
Синим светом, золотой землёй.
То-то жарко будет мне зимой…

И даже вечные вопросы отступают на задний план:

Что делать и кто виноват – поняла я…
Зимой шерстяные ношу рукавички.
Настойчиво жду наступления лета.
И вечные истины, полные света,
Меня согревают спокойным величьем…

В таком состоянии – «*Я с одиночеством наговорилась…// Столько в нём главного, что с тишиною// Трудно теперь уже мне разлучиться…*» – снова становятся зримы и поднимаются до мирозданного значения многие подробности внешней и внутренней жизни. Утихание грозового грома под бесшумностью слетающихся ангелов. Беспокойство печных труб, что после обильного снегопада как будто поднялись на крыши по сугробам и, как дети, встали на цыпочки, «*…Чтоб разглядеть, что творится там выше –// Хватит ли белого снега на свете?*». Птичья песня, звучащая в лиственной кроне: «*Наконец забралась я в сквозные тени.// Воздух листьями кленовыми прошит.// И над лучшим из сердечных песнопений// Соловьиное сердечко ворожит…*». Нарядное платье, что вдруг надела мама: «*…Мама моя, золотая ветка кленовая,// Что тебе чудится в этот осенний день?…// Мама моя, а кленовые листья кружатся…// Мама моя, родная, не облетай…*». Привязанность мужа, что прожил с нею все эти годы, не испугавшись её стихов: «*Поняла я себя не сразу.// Хорошо хоть, что поняла.// Как ты крепко ко мне привязан.// Где я ниточки те брала?*».

В таком состоянии можно и погрустить с товарищем – но понарошку, ибо повода для настоящей грусти у него нет: «*…А если за счастье ты всё же боишься немножко,// Так это же здорово. Дай тебя*

перекрестить…». И нарочито грубо пригласить его к домашнему очагу: «*…Не говорю: «Заходи на пирог!»// А говорю: «Заходи, коль продрог.// Шляются тут по ночам»…*».

Поиграть-покуролесить не грех: «*Я валяю дурака, потому что жизнь сладка.// Вот наешься соли и понимаешь…// Да любой травинке радуясь, станешь// Жизнь свою благодарить да беду свою хвалить,// Да тоску уже не обманешь…*». Ту самую тоску, которую навевает ледяной Финский залив – «*…Мне бы молнии в руки да огненный жар в сапожках.// Я пошла бы тогда по зеркальным твоим коридорам,// По сверкающим бальным опальным твоим сквознякам…*». Или которая вслед за радостью охватывает после новой встречи с мимолетным прежним увлечением:

…после, в тёплом полумраке комнат,
Сама с собой уже наедине,
Захлопаю в ладоши: значит, помнит!
Ты понимаешь: помнит! Обо мне!
Но после… и потом всех новых «после»,
И радуясь, и плача, и скорбя,
Скажу себе тихонько: это возраст.
Иначе б я не помнила тебя…

И вправду: вот уже и «*…там, в небесах, улыбаясь спокойно и кратко,// Друзья мои вместе сошлись в невесомом кругу…*», и кукушка утратила былую щедрость на свою ворожбу. Так что же – укатали-таки сивку крутые горки?

Это вряд ли. Просто истончённая дорогой душа и чувствует тоньше.

Что принесут нам грядущие дни,
Можно ли предугадать?
Но ты за кромку земли загляни
И перестань горевать.

В синем пространстве притихла Земля
В ярком объятии звезд.
Мы ее ласковые якоря,
Наш она звёздный насест.

Можно ли дитятко бросить в беде?
Можно ли сердце закрыть?
Можно ль, по Млечной идя борозде,
Что-нибудь переменить?

Хотя ничего не вернуть, остающаяся прекрасной жизнь продолжает восхищать и мучить – *«да так, что не передохнуть»*. И к поэту, что понимает: *«…Жизнь – это вечное мужество.// Вечное слово «нельзя»…»*, но всё-таки восхищается *«бездонным миром моей земли»*, снова и снова *«…вдруг такое приходит слово,// Какого не было никогда…»*.

Да и в традиционной для Надежды песне о «русской Руси» появляются новые ноты. Автор по-прежнему противопоставляет себя и свой родной *«народ сказаний и пехот»* безымянным черным воронам и ворогам, по-прежнему отдаёт дань прямой риторике: *«Нет, не россияне мы, а русские…»*. Однако духовное спокойствие проникает и в эти стихи.

Родина в «Белой сотне» уже не молит о помощи, а сама вопреки речам о её болезности укрепляет своих радетелей: *«Я ваша необъятная,// Я ваша неделимая,// Я ваша неутратная,// Я ваша неодолимая!»*. И поэт, которому *«сквозь торжища и лопухи»* в любом из российских краев встречались *«лишь подвижники и самородки»*, ощущает: тем же ворогам *«никогда не победить// Земли бесхитростной и смелой…/ Они ещё не подошли// К её разгадке синеокой.// Им не понять моей земли// С её полынью и осокой…»*. А если так – жизнь как *«поэзия, взыскуемая Богом,»* и вправду достойна восхищения.

2002-2006-2011 гг.